

サ!

ДИАНА АРБЕНИНА

ТИЛЬДА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-1
ББК 84 (2Рос-Рус) 6
А79

Дизайн книги Александра Шпакова

Коллаж на обложке: SAVKA

Фотография на обложке: Андрей Ефремов

Арбенина, Диана.

А79 Тильда : [Сборник] / Диана Арбенина. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 320 с.

ISBN 978-5-17-105432-8

Мы знаем Диану Арбенину — поэта. Знаем Арбенину — музыканта. За драйвом мы бежим на электрические концерты «Ночных Снайперов»; заполняем залы, где на сцене только она, гитара и микрофон. Настоящее соло. Пронзительное и по-снайперски бескомпромиссное. Настало время узнать Арбенину — прозаика. Это новый, и тоже сольный проект. Пора остаться наедине с артистом, не скованным ни рифмой, ни нотами.

Диана Арбенина остается «снайпером» и здесь — ни одного выстрела в молоко. Ее проза хлесткая, жесткая, без экивоков и ханжеских синонимов. Это альтер эго стихов и песен, их другая сторона. Полотно разных жанров и даже литературных стилей: увенчанные заглавной «Тильдой» рассказы разных лет, обнаженные сверх (ли?) меры «пионерские» колонки, публицистические и радиийные опыты. «Тильда» — это фрагменты прошлого, отражающие высшую степень владения и жонглирования словом. Но «Тильда» — это еще и предвкушение будущего, которое, как и автор, неудержимо движется вперед.

УДК 821.161.1-1
ББК 84 (2Рос-Рус) 6

ISBN 978-5-17-105432-8

© Д. Арбенина, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Первая книга исключительно прозы. Правда, пока только сборник всего мною написанного не рифмой за минувшие годы. Но, однако, это первая самостоятельная прозаическая книга.

Неужели я все ближе к своей мечте? Неужели у меня когда-нибудь получится окружить себя придуманным миром придуманных людей? Я так это люблю. Пожалуй, не меньше, чем писать песни. И уж точно больше, чем писать стихотворения, которые, рождаясь, раздирают мою душу.

Я не хочу боли. Не хочу страданий. Я хочу дарить вам выносимую и отчасти грустную легкость бытия. Запасы серной кислоты на исходе. Я знаю, где неисчерпаемый ее запас, но не хочу идти за новыми литрами жидкости, призванной растворять в себе ту радость, которую каждый живущий вправе испытывать в мизерное количество отпущенных лет на земле.

Я хочу новую жизнь. Новую жизнь в награду за честно прожитую старую.

Вы держите в руках мое прошлое. Мое прекрасное прошлое. Спасибо вам за соучастие. Спасибо за присутствие в моей жизни.

И пусть будет у каждого из нас та единственная любовь, которая ведет нас по бесконечному пути к свету.

д.ар

бензиновые рассказы

Леночка

Лена села на парапет, перекинула ноги и сиганула в Неву.

Все произошло моментально. Умерла в воздухе от переполнившего сердце страха. Зачем прыгала, никто так и не понял. Охувшие обездоленные друзья пытались друг другу что-то объяснить. Несли невразумительную пылкую молодую чушь о глубокой личной драме, творческой натуре, ранимой душе, неразделенной любви, суицидальных попытках еще задолго до этого ставшего фатальным случая и прочую ахинею. Приближенные Лены таинственно закатывали глаза, переходили на шепот относительно наркотиков, а после сотни крепкого модного пива сообщали, что добропорядочная Леночка перед своей пиздатой-красивой романтической гибелью, оказывается, крепко заливала и закусывала таблетками антидепрессивного свойства. Словом, не простая вовсе была при доведенном до абсолюта внешнем благополучии, граничащем с питерским снобизмом. Совсем не простая, оказывается, была.

Леночка тем временем летела себе во вселенной и, наблюдая сверху за всей этой мелкокали-

берной суетой относительно себя, радовалась и улыбалась кометам. Еще бы! И тут всех сделала! Опередила — раз. Решилась — два. Больно не было — три. Чертовски красивой запомнили — четыре. Старости не будет — пять. А главное, больше не надо бояться.

Леночка слыла храбрецом невиданным. Все делала, чтобы подтверждать и поддерживать этот свой миф о себе. И с парашютом прыгала (едва не окочурилась от страха), самолет поднимала (едва не обделалась, когда пилот убрал руки от своего штурвала и начал в полете трещать по телефону, а ее учебный полунастоящий штурвальчик завибрировал, задрожал, и она крикнув: «Блядь, Юра!» — побелела и потом на земле долго отходила, огрызаясь на подколы летчиков), гончила на подаренной мамой бэхе, в горы карабкалась, ныряла с акулами, загребала альпийские снега сноубордом, водку пила с локтя, соблазняла и мужиков, и девок, хохмила, острила, лила сало анекдотов, осуждала трусов, порицала слабых. И так продолжалось всю ее казавшуюся незаурядной жизнь.

Внутри же Лена была заурядной трусихой. Боялась темноты, секса, ядовитых грибов, девичьих нарядов, плакать, просить прощения, давать в долг, любить, верить, пускать себя вразнос от страсти. И крепко держалась за свою отличную непыльную работу директора одной из крупнейших санкт-петербургских художественных галерей.

Теперь все это было крайне несущественным. Полет охлаждал шею и обдувал крутой Леночкин

лоб. Захотелось было курить, но, вспомнив надсадные рекламы Минздрава о вреде здоровью, Леночка в желании себе отказала. Сила воли у нее была ого-го!!

Внизу, на земле, тем временем происходило следующее. Приятель Леночки по работе с питерским бомондом, поэт Аркаша Соленый впал в марзматическую восторженную истерику по причине эдакого дивного мужественного ухода из жизни. Пил пиво целыми днями в своей коммуналке на Лиговке, а пустые бутылки пулял в крыс, а точнее, в крысиные усы, выглядывающие из мусорного бака аккурат под Аркашиными окнами. Пробовал писать эпитафию, но скоропостижно пьянел, и оттого рука поэта не слушалась, и безвольные каракули расшифровать не смог бы ни один матерый криптограф. Аркаша был уверен в гениальности написанного и кичился перед собутыльниками первым написанным четверостишием:

Когда тебя я увидел — во мне погиб мужской вандал.
Твои мальчишечьи плечи во сне несмело я ласкал!
О, амазонка на коне, Ленусь, клянусь, ты снишься мне!
Мы вместе скачем по Луне!!

Собутыльники — коммунальная элита — кивала, одобряла, и тетя Наташа, всхлипывая, бежала на угол уже за водярой, на ходу шепча: «Ой, какая девка-то была! Какая девка!» Так продолжалось с год, потом с Аркашей случилась белая горячка (белочка в народе), и он сгинул в казематах

питерской дурки. Тетя Наташа родила косую девочку и назвала ее, ясен пень, Елена Аркадьевна Соленая. О них всё.

Лениного папу, обезумевшего от горя, первое время опекали Ленины друзья. Очень быстро все, разумеется, затухло, и папа тихо скончался в больнице. Увял. Все, что от него осталось — черепаховый очечник с треснувшей оправой и фотографической карточкой, где они с дочерью, обнявшись, весело смеются в объектив, стоя под соснами в дюнах Комарово.

Мама Лены на следующее утро после похорон улетела в Италию по контракту. Так и преподает во Флоренции курс классического русского романа. По вечерам поет в ресторане, всю ночь курит и разгадывает японскую головоломку судоку.

Самый близкий Леночкин друг и воздыхатель Васька Нырков тотчас после эпохального прыжка в Неву женился на давно облизывающейся по нему толстой питерской актрисе с глобальным пробегом по подмосткам, мостам, постелям, кафе и кабакам, алкоголической сорокадвухлетней даме. На свадьбе, выпив первую бутылку, новоиспеченная невеста пообещала Василию завязать. Но наступили будни, отступили роли, и дама заливать не перестала. В ответ на это Васька, милейший добрейший Васька, стал лупить ее по роже, а потом и вовсе дошел до ручки и как-то треснул бейсбольной битой по спине. Дама впала в кому, Васька сел. Более ничего не известно.

Ближайшая подруга Леночки убивалась сильнее всех. Потекла рассудком и сама не поняла, как оказалась мамкой на малине. Держит бордель в Озерках, имеет двух дочерей — Елену и Хелен. Регулярно ходит в церковь и пишет письма в мэрию с настоятельным требованием переименовать Большоохтинский мост в мост Елены Питерской. Мол, Леночка была символом петербургской молодежи, и надо отдать ей должное. Она ведь все видит! И отсюда нас ТОЖЕ! порицает силою своего красноречия.

В общем, маразм крепчал и было грустно. И грустно было вовсе не оттого, что все в жизни Леночкиных друзей пошло наперекосяк и как-то криво. Не оттого, что с ее прыжком молодость ушла, а сердце перечеркнула запекшаяся кровянка столового ножа. И не оттого, что Леночка оказалась дешевой истерической дурой и врала всем всю жизнь, всех на путь истинный наставляла, а за, простите, свой базар не ответила. Грустно не от этого.

Вот уже четыре года прошло, а на могиле по-прежнему живет ее пес. Преданный, еще не старый ротвейлер. Его пытались гонять, но оставили в покое — больно человеческая тоска смотрела на людей из песьих глаз. Директор похоронной конторы пытался взять его себе, но пес ни в какую. Вежливо поблагодарил, хвостом постучав по земле, поскулил, но с могилы не сошел. Могильщики кормят его от случая к случаю. Пес

внимательно наблюдает за появляющимися новыми соседями Леночки и шевелит ушами, когда слушает похоронный оркестр. Он не очень худой, и массивный бежевый ошейник еще не особо истрепан дождями. Когда наступает ночь и от могил начинает пахнуть остывающей ночной травой, пес вытягивается на Леночкиной могиле, кладет морду на длинные шоколадные лапы и начинает негромко выть. Поплачет так и засыпает. Как ему хочется к ней и как хочется ее простить!

Буржуа

...Когда мы свернули за угол, наступил вечер. Ты дрожала от холода.

— Дрожишь?

— Нет, — ответила ты и стала дрожать дальше.

Ты не умела врать. И на мой вопрос ответила честно: во время ответа ты ни разу не дрогнула.

Мы шли по лету, и, хотя нас никто уже не любил, нам было хорошо.

Небо готовилось ко сну. Квакали лягушки. Одну мы увидели немного позже: она прыгала по асфальтовой дорожке, явно не удовлетворенная ландшафтом. Возможно, она так и не сумела добраться до настоящей воды и сейчас уже умерла...

На моем выступлении меня никто не слушал. Они уже все знали. Мне казалось, что мне все равно. Но вечером, когда глаза скрылись под веками, одиночество затопило все пустые места внутри, и долгие шесть дней сердце, легкие, грудь, живот плавали в мутном отчаянии, накормленные алкогольными напитками.

Ты все это знала, но мы не говорили об этом. Спасибо. Мои слова и чувства не передали бы, как надо. В таком случае — зачем?